
ТИПЫ КЛАУЗАЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ В ИТАЛЬЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Р.А. Говорухо

Кафедра романской филологии филологического факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1 учебный корпус, комн. 867, Москва, Россия, 119899

В работе определяются тенденции узуса, существующие в итальянском и русском языках при построении конструкций с временными, причинно-следственными и целевыми значениями. Принципиальная разница наблюдается в степени эксплицитности отношений, выборе между сочинением и подчинением.

В данной статье излагаются некоторые результаты исследования коллективного узуса в итальянском и русском языках. Под коллективным узусом понимается способность говорящих выбирать для обозначения конкретной ситуации определенные языковые средства. Важным источником контрастивного изучения коллективного узуса является двусторонний перевод, который можно рассматривать как «особый случай межъязыкового перифразирования» [3. С. 129]. Перевод — сложный индивидуальный творческий процесс, лишь в незначительной мере поддающийся типологизации. При двустороннем переводе часто происходят трансформации смысла, при которых говорящий/пишущий вынужден эксплицировать одни элементы смысла и, наоборот, опускать другие его элементы. Некоторые трансформации при этом носят обязательный грамматический характер и позволяют делать выводы о системных различиях между языками. Эти различия, как правило, описываются в соответствующих контрастивных грамматиках и пособиях по переводу. Выбор слов и грамматических конструкций в речевом акте регулируется не только нормами языка (*servitudes*), но и нормами речи (*options*). Это выбор между синонимическими средствами выражения, и его описать сложнее, поскольку переводчик может пренебрегать речевыми стилистическими нормами, копировать оригинал даже вопреки узусу родного языка. Несмотря на трудности в определении коллективного речевого узуса, представляется, что на основе сплошного анализа большого корпуса параллельных текстов (было проанализировано более 70 оригинальных текстов на двух языках и их переводов), можно выделить определенные тенденции построения итальянского текста в сравнении с русским, а также обнаружить те стороны действительности, которые «отражаются преимущественно в формах данного языка и характеризуют его как специфическую проекцию объективного мира, т.е. определяют его «идиоматичность» [1. С. 47].

В данной работе рассматривается несколько особенностей построения сложного синтаксического целого в двух языках. Ономаσιологический подход при его анализе предполагает выбор в качестве семантического инварианта внеязыкового референта. В нашем случае это ситуация, включающая два или более когнитивно

сопряженных события, которые происходят одно за другим или одновременно. А.Е. Кибрик семантически определяет данное сочетание смыслов как «клаузуальное сочинение», подчеркивая, что с синтаксической точки зрения оно может выражаться средствами подчинительной и сочинительной синтаксической связи [5. С. 79]. Два события могут быть связаны различными логико-семантическими отношениями: сопоставительными, соединительными, противительными, временными и др. Кроме того, одно событие может выступать как характеристика другого либо раскрывать его содержание. Рассмотрим способы кодирования в двух языках некоторых типов временных, причинно-следственных и целевых отношений.

Временные отношения. Ситуации могут разворачиваться одновременно, полностью или частично совпадая во временных границах, а могут следовать друг за другом, это отношения предшествования и следования. Типичным случаем разновременности являются отношения контактного предшествования, при котором ситуация С2 наступает после естественного завершения ситуации С1, то есть в конструкции выражается грамматическое значение предшествования зависимой ситуации по отношению к главной: *Когда С1, С2*. Для данного типа в двух языках наблюдается высокая степень совпадения в плане выражения. Например:

Quando Dida apparve sulla strada, il babbo la richiamò. (Pratolini)

Когда женщины замолкли, оборванный охотник сказал вполголоса своему спутнику... (Паустовский)

Когда Дида показалась на улице, отец позвал ее обратно.

Quando le donne tacquero, il cacciatore cencioso disse a mezza voce al suo compagno...

Частотным вариантом реализации данного типа в русском тексте является паратактическая конструкция с сочинительной или бессоюзной связью. Например:

Quando arrivarono davanti a una porta chiusa Spaziani bussò tre colpi. (Cerami)

Мы позвали Блока, он вошел, \emptyset все аплодировали. (Зайцев)

Подошли к какой-то запертой двери, *и* Спациани три раза постучал.

Chiamammo Blok; *quando* entrò tutti applaudirono.

Очевидно, что степень связи частей в русских конструкциях неодинакова. Союз «и», хотя и соединяет два действия, но не указывает на их последовательность, его легко можно опустить. В бессоюзных конструкциях грамматическим показателем отношений последовательности действий является лишь порядок расположения частей и фоновая информация. Так, в последнем русском примере введение сочинительного союза вносит причинно-следственный оттенок. Ср.: *он вошел, все аплодировали* — *Он вошел, и все аплодировали*. Присутствующий у временного союза условный и причинно-следственный оттенок актуализируется в настоящем времени, где аспектуальная неопределенность может порождать в русском варианте множественность интерпретаций. Ср.:

Quando gli stringo la mano, riapre gli occhi... (Pontiggia)

Я пожимаю ему руку, он открывает глаза...

= *Когда* я пожимаю ему руку... = *Поскольку* я пожимаю ему руку... = *Если* я пожимаю ему руку...

Отметим еще один тип русских бессоюзных конструкций — имплицитное придаточное времени, которому в итальянском соответствует эксплицитная структура. В этих случаях в русском языке «временное значение отмечается там, где речь идет о конкретных действиях/состояниях, в осуществлении которых говорящий уверен» [7. С. 643]. Ср.:

— Я вздремну, придете — разбудите.
(Казакон)

«Io faccio un sonnellino; *quando* arrivate, svegliatemi.»

Тот же принцип кодирования клаузуального сочинения с помощью синтаксического сочинения часто наблюдается и в конструкциях следования с союзом *прежде чем* — *prima di*. В случае препозиции придаточной части исходная модель предполагает неиконическое представление, при котором последующая ситуация обозначается в тексте первой. Если же временной показатель стоит в середине фразы, он легко заменяется в русском тексте на сочинительный союз. Ср.:

...Лишь к самому концу войны он получил сержантские лычки *и* был демобилизован после ранения. (Гроссман)

Soltanto verso la fine della guerra ricevette i galloni di sergente, *poco prima di* essere congedato per ferita.

В тот день Марат крепко выпил *и* пришел в гостиницу. (Искандер)

Quel giorno Marat bevve molto *prima di* tornare in albergo.

Как разновидность отношений временного следования можно рассматривать ситуацию неожиданного возникновения одного события на фоне другого. Такие конструкции имеют форму *C2 когда C1* и представляют собой прерывающее следование, когда ситуация *C1* следует за ситуацией *C2*, прерывая ее. Кодирование данного смысла в поверхностной структуре в форме постпозитивного придаточного времени существует в обоих языках: примерно в 65% случаев (из 200 примеров) в итальянском тексте употребляется временной союз, тогда как в русском — сочинительная конструкция. Ср.:

Drogo aveva già perso la speranza che potesse mai terminare *quando* il cielo cominciò a impallidire... (Buzzati)

Он уже потерял надежду, что [] когда-нибудь кончится, *но* небо *вдруг* начало бледнеть...

Я шел по улице *и вдруг* услышал чей-то зов. (Савинков)

Stavo camminando per la strada *quando d'improvviso* ho sentito qualcuno chiamarmi.

Stava già per rispondermi *quando* si è voltato verso il finestrino... (Pazzi)

Он хотел *было* ответить, *но вдруг* обернулся к окну...

Коратыгин собирался уже писать записку, *вдруг* смотрит, идет сам Тикакеев... (Хармс)

Koratygin stava già per lasciargli un biglietto *quando* vide arrivare Tikakeev in persona.

Подчинительной конструкции с временным союзом *quando* с закрепленным порядком частей соответствует русская сочинительная структура с противительными отношениями, в которой временное значение выражено лексически, с помощью наречных выражений *внезапно*, *как вдруг*, *и вдруг*, *в тот момент*, указывающих на мгновенную смену одного действия другим. А.Д. Шмелев, отмечая

высокую частотность слова *вдруг* в русской речи, считает, что '*вдруг*' не характеризует имевшее место событие, а определенным образом включает это событие в рамки текста, демонстрируя особый способ говорить о внеязыковой действительности. При этом наблюдается разрушение «каузальных связей, которые мог бы пытаться установить адресат, так что каждый новый сюжетный ход никак не детерминируется предыдущими» [7. С. 416 и след.]. Как мы видели, для итальянского текста, напротив — характерно сохранение как содержательных, так и, прежде всего, формально-синтаксических связей.

Отношения причины и следствия.

Аналогичное устранение/ невыраженность поверхностных каузальных связей в русском тексте можно наблюдать и на примере клауз, связанных собственно причинными отношениями. Ср.:

Non rispondo *perché* sono molto abbattuto... (D'Agata)

Бабка не успела ответить — \emptyset за нее вступились пассажиры... (Меттер)

Я не отвечаю, \emptyset я подавлен...

La vecchietta non fece in tempo a rispondere *perché* in sua difesa intervennero gli altri passeggeri ...

Разнообразие типов высказываний с коннектором '*perché*'/ '*потому что*' показывает, что он является семантически наиболее бедным причинным союзом, способным приобретать то или иное значение в зависимости от пропозиционального содержания С1 и С2, что можно условно определить как *синтагматическое обогащение* [см.: 3. С. 5]. Ослабление базового значения союза сопровождается существенными синтаксическими и просодическими изменениями, ведет к опущению эксплицитного показателя причинной зависимости, причем в русском тексте это наблюдается чаще, чем в итальянском.

Особый семантический вариант придаточных причины вводят коннекторы типа *siccome, dal momento che, poiché*, у которых представление об известном характере причины включено в лексическое значение. Для таких конструкций характерна препозиция придаточного (для союза *siccome* препозиция является единственно допустимой). В препозиции меняется речевой статус придаточного, оно тематизируется и тем самым ослабляет связь с главным предложением. В русском тексте подобные смыслы часто передаются сочинительными конструкциями с союзом «и». Ср.:

Poiché il lavoro era iniziato da alcuni minuti, si udiva un frastuono incessante. (Pontiggia)

...E *siccome* capii che mi sfuggivi, pensai di far bene andando a trovare la nonna... (Pratolini)

Марат уложил пятерку лилипутов в их номер *и* со всей очевидностью убедился в обоснованности их жалоб... (Искандер)

Работа началась несколько минут тому назад, *и* в зале стоял непрерывный гул.

...Я понял, что ты меня избегаешь, *и* решил, что хорошо сделаю, навещая бабушку...

Dal momento che Marat accompagnò un gruppetto di cinque lillipuziani nella loro stanza, ebbe anche la prova evidente...

Ослабление связи с главным предложением позволяет рассматривать такие предложения как занимающие промежуточное положение между сочинением и подчинением. Одновременно они близки и к конструкциям со значением следствия. Сочинительный союз *и*, кодирующий именно отношения следствия (не причины), может конкретизироваться с помощью соединительных слов со значением следствия, которые часто осуществляют функцию связи самостоятельно. Ср.:

Poiché le lance a disposizione non erano sufficienti, fu costruita e messa in acqua una zattera... (Baricco)

Siccome però ho paura di addormentarmi le scrivo questo biglietto. (Rodari)

Корабельных шлюпок на всех не хватило, *поэтому* на воду спустили плот...

Я боюсь заснуть *и поэтому* пишу это письмо.

Следствие и вывод-мнение говорящего гораздо более произвольны, чем причина, и связь между пропозициями С1 и С2 носит в этом случае менее детерминированный характер. Практически все коннекторы следствия являются текстообразующими элементами, они семантически связаны анафорическими отношениями с предыдущим высказыванием (основанием вывода), и обозначаемое ими логическое отношение, как правило, выходит за рамки того высказывания с коннектором. Выражение следствия в форме сложносочиненного предложения с союзом *и* более распространено в русском языке. Ср.:

Я решил, что знаю про нее все, *и* моя привязанность разбавилась легким презрением ... (Пелевин)

L'ambulatorio di Bui è pressoché deserto, *perciò* decido di chiuderlo... (D'Agata)

...decisi che ormai sapevo tutto di lei; *perciò* il mio attaccamento si venne mescolando a un sottile disprezzo...

В кабинет Буи уже почти никто не заходит, *и* я решаю закрыть его ...

Таким образом, при кодировании отношений следствия в текстах на двух языках наблюдаются те же особенности, что и при кодировании отношений причины, прежде всего — причины с ослабленным тематическим статусом. В итальянском тексте заметна тенденция к большей эксплицитности смысловых связей, тогда как в русском чаще выбираются более «слабые» в грамматическом и «бедные» в семантическом отношении средства связи.

Отношения цели. По определению И.Б. Левонтиной, отношения цели возникают, когда «человек А хочет, чтобы имела место ситуация Р, считает, что действия Q, которые он может совершить, будут причиной ее возникновения, и готов совершить *или совершает* (курсив наш) эти действия» [5. С. 165]. Таким образом, при наличии двух не совпадающих во времени событий С1 и С2, контролируемых Агенсом, событие С2 может быть представлено как реальный (как в русском тексте) или как потенциальный (как в итальянском тексте) результат события С1.

Apri l'uscio *per* dare un occhiata anche sulla strada, e nessuno! (Collodi)

Я назначил ей свидание. Затем разбросал по столу бумаги. Ø Создал видимость труда... (Довлатов)

Наконец открыл ставню *и* поглядел на улицу — тоже никого.

Le diedi un appuntamento e poi cosparsi tutto il tavolo di fogli. *Per* dare l'impressione di grande alacrità...

Целевая обусловленность в итальянском тексте предполагает гипотетичность ситуации, намеченной к осуществлению, предикативный центр придаточной части представлен инфинитивом, информация о том, достигнут ли желаемый результат, извлекается из контекста. В русском тексте при выборе отношений следования обе пропозиции имеют ассертивный статус, устраняется, или выражается лексически, интенциональная составляющая, как признак субъекта пропозиции.

Семантика цели тесно связана с признаком контролируемости ситуации, и предикаты, описывающие неконтролируемые ситуации, несовместимы с обстоятельством цели как в русском, так и в итальянском языках. Это ограничение, однако, не действует для особой разновидности придаточных цели, которую называют предложениями «антицели» или «ложной цели» [9. С. 94]. *Садовод любовно ухаживает за яблонькой, чтобы ее сломал хулиган* [6. С. 596]. Придаточные антицели присутствуют в системах обоих языков, но они по-разному проявляют себя в функциональном и частотном отношениях. Разница на уровне узуса заключается в том, что в русской речи подобные структуры употребляются реже и имеют выраженный литературный оттенок. В итальянском языке, в том числе и в его устном варианте, такие конструкции можно встретить чаще. Представляется не случайным, что в собранном корпусе из примерно 160 «ложноцелевых» конструкций почти нет русских примеров. В итальянской лингвистике существует две точки зрения на природу этих конструкций. Первая принадлежит Лео Шпитцеру, который, отмечая невозможность приписать субъекту главной части намерение осуществить названное в придаточном действии, проводит различие между *целью* — ‘*Zweck*’ и *предназначением* — ‘*Bestimmung*’. Именно указание на предназначение субъекта как на «волю высшего порядка» и позволяет рассматривать данные конструкции, вводимые в итальянском предлогом *per*, во французском — *pour*, в немецком — *um...zu*, в ряду придаточных цели [12. С. 20—23]. Дж. Херкцег вслед за Л. Шпитцером видит в подобных конструкциях помимо личного мотива внешний мотив, «превосходящий наши знания и силы». Соединение этих двух мотивов составляет своеобразие придаточных данного типа, выражающих «*la destinazione prescritta e voluta da forze superiori*» [8. С. 307]. Принципиально иной подход демонстрирует в своей грамматике Л. Серианни, утверждая, что данную конструкцию следует рассматривать в ряду структур, маркирующих временную последовательность: «*pura successione temporale ... eventualmente con implicazioni conclusive...*» [11. С. 583]. Такого же мнения придерживается М. Пранди: являясь по форме типичными целевыми конструкциями, в семантическом отношении они указывают лишь на временную последовательность событий и без ущерба для смысла могут быть перефразированы в виде сложносочиненной структуры («*la relazione finale crolla in presenza di contenuti incoerenti*») [10. С. 79—80]. Как и при передаче собственно целевых отношений в русском языке эти значения, как правило, кодируются сложносочиненными и бессоюзными структурами. Можно выделить два типа контекстов с конструкциями антицели.

К первой группе относятся конструкции с неодушевленным субъектом, неспособным осуществлять контроль за действием, то есть с таким субъектом нельзя образовать стандартные целевые конструкции. Ср.:

...Молочно белея и слабо шипя, разбивалась она на змеевидные струи — а там сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглой. (Тургенев)

Era qualcosa che nasceva nel Mar Rosso — si moltiplicava nel pensiero del diluvio universale, lì si perdeva *per poi ritrovarsi* nel profilo panciuto di un'arca ... (Baricco)

Biancheggiando come latte e frizzando debolmente si frangeva in zampilli simili a serpenti, laggiù si confondeva *per poi scomparire* inghiottita dalla caligine.

И занимался этот источник где-то в Красном море, преумножаясь думой о всемирном потопе, он терялся на время *и* вновь нарождался в пузатом профиле ковчега...

Неодушевленный субъект в данных конструкциях как бы персонифицируется, наделяется говорящим характеристиками одушевленного лица. Действие предстает в своей целостности и завершенности, преобладают имперфектные формы, или не связанное с моментом речи гномическое или историческое настоящее. Целеполагание является отличительной чертой именно человека, деятельность которого по осуществлению собственных целей естественно связана с использованием окружающих его предметов. Так происходит перенос целеполагания на вещи, связанные с деятельностью человека, и, во вторую очередь, — на предметы и явления. Так цель, являясь частью внутреннего мира человека, входит в мир внешний. Итог предопределен и заранее известен автору *говорящему*, с точки зрения которого ведется повествование и ретроспективно дается оценка.

Собственно та же внешняя ретроспективная оценка характерна и для второй группы предложений антицели, субъектом которых является одушевленное лицо, результат действий которого, однако, также в большей или меньшей степени алогичен, противоположен ожидаемому. Эта группа особенно многочисленна в нашем корпусе. Ср.:

Come un ex pianista accenna con una mano le prime note di un brano difficile, *per troncarlo subito* lì. (Lodoli)

[Он] уже с жадностью прочитывал по три газеты в день *и* говорил, что не читает московских газет из принципа. (Чехов)

Как давно не концертирующий пианист берет первые ноты трудного аккорда *и вдруг* убирает руки с рояля.

Leggeva avidamente tre giornali al giorno *per poi* asserire che per principio non leggeva i giornali di Mosca.

Часть С1 выступает в качестве основания, которое не приводит к предполагаемому следствию. Семантическим условием появления подобных конструкций является наличие адверсативно-уступительных отношений между частями С1 и С2. В русском тексте такое отношение может быть выражено с помощью противительного союза. Ср.:

А я посмею, — запальчиво погрозил Ипполит, *но немедленно* сник. (Акунин)

«E io invece oso», minacciò nervosamente Ippolit, *per abbassare subito dopo* il tiro...

Но и более частотный в этих контекстах сочинительный союз выступает в противительном значении. Предикаты частей С1 и С2 при этом образуют семантическую оппозицию, являются, как правило, контекстуальными, а часто и лексическими антонимами. Ср.:

Христос *мелькнул* ему, призрачный и туманный, потому что зова настоящего в нем не было — *исчез*. (Зайцев)

Cristo gli *apparve* solo per un istante, illusorio e confuso (non essendoci stata una vera chiamata), *per poi scomparire*.

Позиция подлежащего и в этом случае может быть заполнена формально неодушевленным и инактивным субъектом, но при этом речь идет о своеобразном метонимическом переносе, за которым скрывается субъект — экспериенсер:

В одном лишь «Петьке», застрелившем сдуру «Катку», что-то шевельнулось — и заглохло. (Зайцев)

Solo in «Pet'ka», che aveva ucciso per balordaggine «Kat'ka», si era mosso qualcosa — *per poi svanire*.

В отличие от придаточных с эксплицитно выраженной уступительно-противительной связью, в ложных целевых конструкциях семантическая оппозиция частей сглажена. Кроме того, здесь всегда линейно выражена хронологическая последовательность событий: наречием *poi/zatem*, а также наречными показателями быстрого перехода к ситуации 'результат' (*вдруг, вскоре, немедленно, subito, subito dopo*). В конструкциях антицели часто акцентируется бессмысленность, нежелательность или непредвиденность ситуации, представленной в части С2. Присутствуют такие смысловые оппозиции, как: начало—конец действия, появление—исчезновение признака, возвращение действия к исходной точке и т.п. В русском тексте, где две ситуации чаще представлены как реальные, следующие друг за другом, эти отношения кодируются на поверхностном уровне с помощью противительного союза, сочинительного союза с противительным значением или бессоюзно.

В каждом из двух рассмотренных языков при передаче одного и того же содержания действуют разные приоритетные коммуникативные стратегии, равноценные элементы смысла получают разное формальное выражение. В итальянском тексте преобладает гипотаксис, его элементы иерархически организованы, тогда как в русском тексте они чаще имеют равноправный статус, предпочтение отдается паратаксису. Представляется, что несовпадения в речевом узусе итальянского и русского языков, на первый взгляд представленные внешне разрозненными явлениями, не являются случайными. Их комплексный анализ может служить основой для структурно-типологической характеристики каждого языка, поскольку «показатель частотности различных элементов системы, который мы можем извлечь только из данных ее реализации, является не только количественным показателем речевой избирательности, а качественным признаком самой системы...» [1. С. 50]. Выявленные в данной работе особенности построения русского и итальянского текстов органично вписываются в представление об итальянском языке как о языке «аналитического» типа, где логико-синтаксические свя-

зи между предложениями эксплицитны и выражаются с помощью союзов и коннекторов союзного типа. С другой стороны, русский — язык преимущественно «синтетического» типа, грамматическая система которого допускает возможность пропуска слов, отличается имплицитностью целого ряда смыслов и неявным характером связи между частями текста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алисова Т.Б. Ономаσιологический подход при сопоставительном изучении лексико-синтаксических структур двух языков // Вестник МГУ. — Сер. 9. — Филология. — 2005. — № 3. — С. 46—51.
- [2] Говорухо Р.А. Семантика и прагматика союзов причины и следствия в итальянском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. — М., 1996.
- [3] Иорданская Л., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. — М.: Языки славянских культур, 2007.
- [4] Кибрик А.Е. Принципы и стратегии клаузуального сочинения в дагестанских языках // Вопросы языкозн. — 2007. — № 3. — С. 78—120.
- [5] Левонтина И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Языки славянских культур, 2006.
- [6] Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 2.
- [7] Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М., 2002.
- [8] Herczeg, Giulio Sintassi delle proposizioni subordinate nella lingua italiana // Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1959. — IX. — P. 261—333.
- [9] Lombardi Vallauri E. Grammatica funzionale degli avverbi italiani. — 2000. — P. 94—96.
- [10] Prandi M. I costrutti finali // Studi italiani di linguistica teorica e applicata. — 1996. — 1. — P. 67—101.
- [11] Spitzer, Leo *Providentielle Finalbestimmungen* in Stilstudien. 1. Sprachstile. — Munchen: Max Hueber Verlag, 1928. — P. 19—25.
- [12] Serianni L. Grammatica italiana. — Torino: UTET, 1988.

CLAUSAL COORDINATION TYPES IN ITALIAN AND RUSSIAN

R.A. Govoruchо

The Department of Roman Languages, Faculty of Philology MGU
Leninskiye Gory IGUM, Moscow, Russia, 119992

The present paper aims at defining the preferred usage in constructing sentences with time, cause and purpose clauses in Russian and Italian. The major difference between the languages lies in the degree of their explicitness, in the choice between syntactic coordination and subordination.